

цензуру. Какая участь постигнет его драму, пусть решит сам читатель, незнакомый съ повестью маститого писателя. Смѣяться могутъ все, но смѣшить немногіе. Авторъ «Антоня Горемыки», «Четырехъ временъ года», «Проселочныхъ дорогъ» и «Переселенцевъ», повидимому, не одаренъ силою отрезвляющаго, бодрящаго смѣха. Его послѣдняя повесть не принадлежитъ къ числу тѣхъ высоко-художественныхъ произведеній, которыми онъ дарилъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, публику, и она, право, ничего не прибавляетъ къ тому, что имъ до сихъ поръ написано...

Что это такое? «Литераторъ», повесть Верещагина. Да, да, нашего извѣстнаго художника! Отъ кисти къ перу, отъ полотна къ бумагѣ, отъ красокъ къ черниламъ... Чѣмъ объяснить столь неожиданный переходъ? Если Микель-Анджелло писалъ стихи, то не удивительно: въ Италіи, какъ поэтической странѣ, каждый лазарони—поэтъ, каждый гондольеръ — пѣвецъ, но поэзія — одно, а проза — другое. Довольно сносные стихи сплетаетъ даже и мы, русскіе; для этого, кажется, большаго ума не требуется, написать же хорошую повесть удастся немногимъ, особенно теперь, когда беллетристовъ «день считай—не сочтешь до конца», скажемъ словами некрасовскаго Мяная.

Г. Верещагинъ, какъ мы убѣдились, не выдѣляется ничѣмъ изъ ряда современныхъ литературныхъ посредственностей, потому что, во-первыхъ, не даетъ ничего новаго, свѣжаго и, во-вторыхъ, пишетъ плохо, подчасъ даже безграмотно. Добрыхъ десять страницъ ушло на описаніе сборовъ одного молодого человѣка въ дорогу. Сынъ захолустныхъ помѣщиковъ, Володя Половецъ, повидимому, горячій патриотъ, стремится на Дунай, чтобы помѣриться на полѣ битвы съ врагомъ отечества. Передъ его отъѣздомъ домъ Половцевъ наполняютъ сосѣди, знакомые. Приглашенъ священникъ для напутственнаго молебна. «Засвѣтились свѣчи передъ старымъ по-темиѣвшимся образомъ Спасителя, за рамкою котораго всегда воткнуты колосья двойничка и тройничка: запахло ладаномъ отъ усердно раздутаго дьячкомъ кадила; волны дыма заходили по комнатѣ, переливаясь во врывавшихся лучахъ солнца; день былъ теплый, ясный, правдивый». Очевидно неумѣніе гимназиста справиться съ синтаксисомъ. «Были воткнуты»... «раздутае дьячкомъ кадило»... «переливаясь во врывавшихся лучахъ солнца»... И много-много такихъ перловъ разсыпано въ повѣсти г. Верещагина. На молебнѣ все хнычатъ, всхлипываютъ, но усердіе всехъ продѣлываетъ это мамея Володи. Потомъ является сосѣдка-помѣщица съ очаровательной дочкою. Наговорившись до-сыта съ будущимъ воиномъ, героемъ, побѣдителемъ турокъ, онѣ рѣшаются слѣдовать за нимъ, чтобы поступить въ сестры милосердія. Мы видимъ ихъ

въ Систовѣ. Мать отыскиваетъ своихъ знакомыхъ среди военныхъ; ея дочь, Наташа, ухаживаетъ за ранеными солдатами, что не мѣшаетъ ей лелѣять романическія мечты о красивѣ-офицерѣ Верховцевѣ, котораго Володя ревновалъ къ ней. Далѣе—война и приключенія, любовь и томленіе; наконецъ, главнѣйшій двигатель повѣствовательной артиллеріи, состоящей изъ десятка не нужныхъ лишь, превращается въ литератора. Начнете повесть съ конца, герой—литераторъ; начнете съ начала, герой—будущій воевода; начнете съ середины, герой готовъ превратиться въ литератора. Прочтете такъ или иначе, получится одно и то же, не захотите читать—получите вдвое больше: во-первыхъ, не потеряете понапрасну время, а во-вторыхъ, избавитесь отъ снотворной скуки, преслѣдующей васъ на протяжении всей безпощадно-длинной повѣсти.

«Бабье царство» г. Чехова, кажется, удачнѣе всего, что даетъ въ текущемъ году «Русская Мысль». Если новое произведеніе молодого писателя, обладающаго симпатичнымъ дарованіемъ, не широко, по обыкновенію, захватываетъ жизнь, не заключаетъ въ себя глубокой, плодотворной идеи, не блещетъ психологическими достоинствами, то все-таки производитъ извѣстное впечатлѣніе, какъ нѣчто живое, самостоятельное, продуманное. Портретная галлерея г. Чехова не велика. Лучшее въ ней—женщина, которая изображается иногда во весь ростъ, но это бываетъ рѣдко; зачастую же передъ нами является неудовлетворенная жизнью искательница сильныхъ ощущений, какъ напримѣръ въ «Бабьей царствѣ» Анна Акимовна. Богатая, молодая, красивая, здоровая, эта женщина сразу останавливаетъ на себѣ вниманіе. Она развитѣе, образованнѣе многихъ женщинъ ея класса и могла бы успѣшнѣе выйти замужъ, но счастье не улыбается ей. Жизнь—скука, полусонъ... Имѣя заводъ, на которомъ работаютъ тысячи людей, она боится, какъ-бы знакомые не сказали про нее: «вотъ рабовладѣлица, эксплуататорша, заѣдающая чужой вѣкъ!» Хочется творить добро ближнимъ, чтобы видѣть вокругъ себя только счастливыхъ и довольныхъ, но Анна Акимовна, положительно, не знаетъ—съ чего начать, сбивается въ понятіяхъ о несомнѣнномъ, истинномъ благѣ. Она получаетъ много просительныхъ писемъ. Одно изъ нихъ обратило на себя особенное ея вниманіе, вызвало въ ней страстное желаніе пойти посмотреть на семью бѣдняковъ, нуждающуюся въ помощи. Анна Акимовна беретъ первую попавшуюся подъ руку пачку денегъ въ тысячу слишкомъ рублей и отправляется по указанному адресу. Ее встрѣчаютъ какъ благотѣлительницу; у нея цѣлуютъ руки, и это внушаетъ ей отвращеніе къ бѣдности, къ нищетѣ. «Не дамъ я имъ полторы тысячи», рѣшаетъ она, чуть не задыхаясь въ грязной каморкѣ, и кончаетъ тѣмъ, что даетъ бѣднякамъ двадцать пять рублей, причемъ

НОВОЕ СЛОВО. (СПБ.) 1894. № 6. Июнь.
Наши журналы. "Русская мысль", янв. 1894г. /.../ "Бабье царство", рассказъ А. П. Чехова.

общаетъ прислать доктора и оставить деньги на лекарство. Анна Акимовна готова уйти, но вотъ приходитъ съ завода одинъ изъ ея служащихъ, мастеръ, здоровый, видный дѣтина, который ей сразу понравился. «Вотъ ему-бы дать тѣ полторы тысячи», подумала молодая женщина во время разговора съ нимъ, и мысль о немъ долго преслѣдовала ее. На слѣдующій день—праздникъ Рождества Христова. Одѣтая по модѣ, какъ причествуетъ богатой женщиной, она принимаетъ поздравителей, служащихъ и знакомыхъ, очень утомляется къ вечеру, послѣ бесѣды со своимъ постояннымъ адвокатомъ, Лысевичемъ, и старымъ чиновникомъ Крылинымъ, нервничаетъ, идетъ отъ скуки въ кухню поболтать съ прислугой, садится играть съ нею въ короли, выслушиваетъ разные совѣты насчетъ замужества съ хорошимъ человѣкомъ, вродѣ того рабочаго Пименова, который нравится Аннѣ Акимовнѣ, но который, по отзыву ея лакея, грубъ, мужиковать, ѣсть погосподски не умѣетъ, и послѣднее повергаетъ молодую, благовоспитанную женщину въ отчаяніе. Она возвращается въ свои покои, вновь скучаетъ, пробуетъ развеселить себя музыкою, наконецъ, зоветъ къ себѣ горничную Машу, чтобы раздѣться и лечь въ постель. «Она легла, не раздѣваясь, и зарыдала отъ стыда и скуки. Досаднѣе и глупѣе всего казалось ей то, что сегодняшнія мечты насчетъ Пименова были честны, возвышенны, благородны, но, въ то же время, она чувствовала, что Лысевичъ и даже Крылинъ для нея были ближе, чѣмъ Пименовъ и всѣ рабочіе, взятые вмѣстѣ. Она думала теперь, что если-бы можно было только что прожитой длинный день изобразить на картинѣ, то все дурное и пошлое, какъ напримѣръ обѣды, слова адвоката, игра въ короли, были-бы правдой, мечты же и разговоры о Пименовѣ выдѣлились-бы изъ цѣлаго какъ фальшивое мѣсто, какъ натяжка. И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастіи, что все уже для нея погибло и вернуться къ той жизни, когда она спала съ матерью подъ однимъ одеяломъ, или выдумать какую-нибудь новую, особенную жизнь, уже невозможно. Рыжая Маша стояла на колѣняхъ передъ постелью и смотрѣла на нее печально, съ недоумѣніемъ, потомъ и сама заплакала и припала лицомъ къ ея рукѣ; и безъ словъ было понятно, отчего ей такъ горько.—Дуры мы съ тобой, говорила Анна Акимовна, плача и смѣясь.—Дуры мы! Ахъ, какія мы дуры!» Таковъ конецъ новаго разсказа г. Чехова. Кромѣ Анны Акимовны, не дурно обрисованы характеры рабочаго Пименова, адвоката, кухарки и прочихъ героевъ «бабьяго царства». Удачнѣе всѣхъ вышла, разумѣется, сама Анна Акимовна, записавшая себя въ число дуръ только потому, что не можетъ найти себѣ такого мужчину, который полюбилъ и приласкалъ-бы ее, а главное, умненько прибралъ-бы къ рукамъ, какъ блажную, капризную барыньку. Изъ нея можетъ выйти об-

разцовая жена, мать, хозяйка; для этого надо, чтобы каждый поступокъ ея былъ дисциплинированъ любимымъ человѣкомъ. Анна Акимовна, повидимому, добрая женщина, но ея доброту некому направить на истинный путь. Впрочемъ, можно ошибиться... /.../

Обратимся теперь къ разсказу г. Ю. Безродной «Съ улицы», помѣщенному въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы»—журнала не богатаго беллетристкой. Въ этомъ разсказѣ выведена тоже добро-сердечная барынька, занимающаяся благотворительностью. Она встрѣчается на улицѣ бѣдную дѣвочку, выпрашивающую у мальчика нѣсколько конфетъ подъ залогъ грудного серебрянаго крестика, и входитъ въ ея положеніе. Узнавъ квартиру доброй барыни, Анютка (такъ звали дѣвочку) стала являться къ благотворительницѣ чуть-ли не каждый день, чтобы получить обычную подачку. Дома у дѣвочки—больной отецъ, мать и братишка, выпешій изъ гимназій по неимѣнію средствъ продолжать ученіе. Ея отецъ—силачъ, подымавшій, къ удивленію посѣтителей цирка, пудовыя гири, лежитъ теперь со сломанной ногою послѣ того, какъ онъ, во время одного представленія, сорвался съ веревки и упалъ на арену. Барыня узнала объ этомъ отъ Анютки, попрошайничество которой стало началомъ объ этомъ отъ Анютки, попрошайничество которой стало началомъ дождать ей; однажды она обошлась съ ней довольно сухо. «Зачѣмъ ты, дѣвочка, такъ долго сидишь на кухнѣ? Обогрѣлась, поѣла, ну, и ступай... Лучше-бы матери чѣмъ-нибудь помогала, а то сидишь здѣсь, ничего не дѣлая». Вскорѣ Анютка опять явилась къ барынѣ съ жалобой на квартирную хозяйку, которая, будто-бы, гонитъ ихъ съ квартиры. Благотворительница только удивлялась, отчего мать этой попрошайки не поступитъ на мѣсто. По словамъ Анютки, мать ея беременна, а потому никто не беретъ ее въ прислуги, но она будетъ, на масляной, плясать въ балаганѣ. Барыня, положительно, не знала, что дѣлать съ дѣвочкой, Анютка же приходила каждый день. Однажды самъ баринъ вернулся домой, со службы, веселый; привезъ конфетъ и пирожныхъ, далъ денегъ женѣ на расходы. За обѣдомъ барыня заговорила объ Анюткѣ, которая, молъ, надоѣла ей своимъ попрошайничествомъ. «Ходи сама къ ней, если не хочешь, чтобы она къ тебѣ ходила!» сказалъ баринъ. Послѣ обѣда барыня оттолкнула отъ себя коробку съ конфетами, а потомъ расплакалась отъ угрызений совѣсти. Постыдивъ немного жену, мужъ посоветовалъ ей сдѣлать рѣшительный шагъ къ болѣе существенной помощи; она отправилась отыскивать бѣдняковъ, жившихъ гдѣ-то на концѣ города, и нашла ихъ въ темномъ, холодномъ жилищѣ съ землянымъ поломъ. Уплативъ за нихъ деньги квартирной хозяйкѣ, барыня упрекнула ее за то, что она хотѣла ихъ выгнать, при чемъ сослалась, разумѣется, на Анютку, которая, оказывается, наврала. Ба-

Н. Алмазов.